

МЕСТО ПСИХОБИОГРАФИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Иванов Михаил Васильевич

доктор филологических наук, Петербургский
государственный университет путей сообщения

Императора Александра I

mvifp@mail.ru

THE PLACE OF PSYCHOBIOGRAPHY
IN THE SYSTEM OF MODERN SCIENCE

M. Ivanov

Summary: The article examines the scientific status of psychobiography based on the synthesis of natural and humanitarian approaches for a methodologically complete analysis of personality within the framework of psychological knowledge. The comparison mechanism ensures the identification of results independently obtained in psychology (experimental and theoretical) and the humanities, allowing to create a three-dimensional image of personality in a time perspective - in psychobiography. The stages of scientific research of biographies by outstanding psychologists who created the categorical fund of psychobiography are described, and the concepts of humanists from the field of philology, linguistics, cultural studies associated with understanding the inner world of man are involved. Such a union of sciences creates great opportunities for achieving a common goal, disposing to the improvement of each of them. Psychology of personality, entering the humanitarian zone, brings greater accuracy to it, and the humanities allow to more fully saturate the biographical analysis with meaning.

Keywords: psychobiography, personality, creativity, meaning, independent verification, self-actualization.

Аннотация: В статье рассматривается научный статус психобиографии на основе синтеза естественных и гуманитарных подходов для методологически полноценного анализа личности в рамках психологического знания. Механизм сличения обеспечивает отождествление результатов, независимо полученных в психологии (экспериментальной и теоретической) и гуманитарных науках, позволяя создать объемный образ личности во временной перспективе – в психобиографии. Описаны этапы научного исследования биографий выдающимися психологами, которые создали категориальный фонд психобиографии, и привлечены концепции гуманистов из области филологии, лингвистики, культурологии, связанные с пониманием внутреннего мира человека. Такой союз наук создает большие возможности для достижения общей цели, располагая к совершенствованию каждой из них. Психология личности, входя в гуманитарную зону, приносит в нее большую точность, а гуманитарные науки позволяют полнее насытить смыслом биографической анализ.

Ключевые слова: психобиография, личность, творчество, смысл, независимая проверка, самоактуализация.

Введение

Появление такой научной дисциплины, как психобиография, отражает рост практического и теоретического интереса к статусу личности в контексте масштабных социальных и культурных процессов в мире. В области человекознания явно возрастает роль психологии, ибо она продемонстрировала успехи научно обоснованного подхода большей точности в исследовании внутреннего мира людей на основе естественнонаучного подхода. Но выделение смысловых структур сознания и поведения неизбежно требует учета опыта гуманитарных наук. И в настоящее время необходима их диалогическая связь с психологией для объемного исследования личности на базе формирующейся в рамках исторической психологии психобиографии.

Биография как форма письменного документа появилась в начале нашей эры («Сравнительные» жизнеописания Плутарха, «Жизнь двенадцати цезарей Светония, «О философах» Диогена Лаэртского). Затем последовали новые своды биографий и мемуары, а в наше время даже стали выходить серии аналитических книг (скажем, «Жизнь замечательных людей»). Весь этот корпус материалов представляет исключительный интерес, несет

поучительную информацию, но воспринимается скорее как беллетристический, исторический или публицистический. И хотя речь идет о событийной и душевной канве человеческого бытия, психологи до сих пор меньше всего участвуют в создании таких произведений.

Дело в том, что психология зарождалась как естественная наука (с опорой на физику, биологию, медицину), а биография нуждается в гуманитарном осмыслении (создании целостной, синтетической, «образной» картины – в противовес аналитическому, экспериментальному методу естественных наук). И подготовка специалистов была направлена на овладение практическими методиками с опорой на бихевиористскую традицию проведения эксперимента. Потребность же в специалистах по «объемному», всестороннему изучению личности все возрастала.

Главная причина повышения практического интереса к проблемам формирования и развития личности заключается в том, что увеличилась роль личности в ее влиянии на социальную и культурную ситуацию в широком масштабе. В связи с необходимостью открытия новых идей и разработкой новых практик требуется много творчески ориентированных личностей. Деструктивное

влияние личности вызывается ее примитивизацией, удобной для получения массового конформного исполнителя команд, но опасной тем, что «человекоробот» способен употребить не доступные ему ранее колоссальные разрушительные средства. Межнациональные и межгосударственные конфликты проходят с ориентацией сторон на события своего прошлого, имевшего своих героев и антигероев. Поэтому образы исторических личностей в угоду сиюминутным политическим интересам часто обрастают мифологическими оборотами, как бы серьезные историки ни пытались охладить пыл и внести ноту объективности в воссоздание картины прошлого. И психологи могут внести немалую лепту в установление более достоверного образа исторического персонажа методами психобиографического анализа, а тем самым и помочь в создании более адекватной картины прошлого.

Кризисное состояние истории и психологии вызвано осознанием сложности и многофакторности сил, влияющих на результат событий в жизни и групп и отдельной личности. Серьезный методологический подход позволяет увеличивать достоверность научного исследования через расширение согласованности построений разных дисциплин, добывающих результаты независимым способом. Рост согласованности на основе установления тождественности позиций одной научной отрасли с позициями «научных соседей» подтверждает объективность и перспективность выводов каждого участника совместного поиска истины. При этом некоторая аморфность их теоретического подхода будет снижаться, открывая путь к более строгим теоретическим построениям. Отдаленным образом, позволяющим понять сказанное, будет пример создания фундамента здания. Так, Исаакиевский собор стоит на болоте – полужидком, рыхлом природном основании. Но в болото вогнаны заостренные деревянные сваи, которые разделяются небольшими промежутками. Сваи так сильно сдавливают топкий грунт, что превращают его в крепчайший состав, который с той же силой давит и на сваи, которые не гниют. А в результате создается стойкое, прочное основание, на котором неколебимо стоит здание огромной тяжести.

Полноценная психобиография возможна только при учете фактов и теорий, которыми располагают психология, история, искусствоведение, культурология, этнография, религиоведение, входящие в область гуманитарных наук, которые в первую очередь обращены к человеку. А значит, признают его носителем сознания, способным на основе свободы воли осуществлять осознанный выбор. Такие факторы, как контекст, персональный опыт и, самое главное, – самосознание, обеспечивают его суверенность. И при этом психология, также входя и в гуманитарную зону, приносит в нее большую точность, ибо способна проводить эксперимент. Эксперимент же формировался в естественных науках, где главной ценностью считалась

реализация принципа жесткого детерминизма: естественные науки стремились к предельной точности (в терминологии, формулировании законов, желательному математическому подкреплению выводов).

В результате научная психология, вышедшая из лона физики, медицины, биологии, физиологии, оказалась между двух огней. «Двусмысленность гуманитарного статуса оттеняется трудностями с «ближайшими родственниками»... Гуманитарий обретает «экологическую нишу», хотя и продолжает находиться в тисках двойного стандарта» [22, С.46]. И желание избежать такой двойственности толкает ученых отодвигать в тень одну из сторон познания. Организационный основатель психологии как признанной научной дисциплины Вильгельм Вундт отмечал, что историки «не хотят ничего знать о психологии, представляющейся им в виде особой формы исторических построений... При нужде они сочиняют себе свою собственную психологию» [5, С. 1-3].

Проследить становление психобиографии как научной дисциплины можно, лишь начиная с эпохи, когда стали фиксироваться и анализироваться данные силами специалистов в области психологии (наиболее полный обзор дан в работах [7, 10, 14]). Первоначально это были медики конца XIX – начала XX века, которые фиксировали анамнез психически больных людей. История болезни и стала тем профессионально запротоколированным документом, который реально стал кратким конспектом биографии человека, сжатым до хода душевного заболевания. Так как была активизирована для исторической психологии категория времени, то открылась возможность сделать анализ исторических личностей прошлых эпох с использованием патопсихологических моделей и описания акцентуаций характера. Материалы историков соединились с опытом врачей-психиатров. В России портреты знаменитых государственных деятелей и писателей создали представили медицины: ученик Вундта, Бернгейма и Шарко В.Ф. Чиж П.И. [20] и основатель первого в нашей стране журнала по психиатрии П.И. Ковалевский [11]. Крупные теоретики представили свое понимание исторической личности на основе своих концепций. З. Фрейд (создатель психоанализа) написал психобиографии Леонардо да Винчи и Вудро Вильсона [16, 17]; Э Кречмер (автор теории, установившей связь строения тела и характера) – портреты «гениальных личностей» [12]; Э. Фромм в рамках концепции деструктивного и конструктивного типов личности описал характеры нацистских вождей [18]; предложивший типологию акцентуаций А.И. Личко опубликовал книгу «История глазами психиатра. Иван Грозный, Сталин, Гитлер, Гоголь и другие» [13]. Если в этих случаях акцент чаще делался на формах психической жизни, отклоняющихся от нормы, то в исследованиях жизненного пути и жизненных этапов норма превращалась в знак, а патология – в фон, в возможную деградацию личности. Таковы исследования Г. Стэнли Холла «Юность» (1904) [25], Шарлотты Бюлер

«Жизненный путь человека как психологическая проблема» (1933) [24], Э. Эриксона «Молодой Лютер» (1958) [23]. Значительную помощь в осмыслении биографии сыграли и исследования в области возрастной психологии: развития интеллекта Ж. Пиаже [15] и нравственного роста Л. Колберга [26]. Формировался концептуальный аппарат психобиографии.

Теперь можно обратиться к рассмотрению нескольких ее фундаментальных проблем. Попытка бихевиористов отменить сознание закончилась печально, и психологи, подходя к решению проблем человека, останавливались перед пропастью между естественнонаучным детерминизмом и гуманитарной свободой воли. Необходимость строить соединяющий расщелину мост стала осознаваться лишь после попыток перескочить ее в один прыжок, т.е. просто вывести из постулатов признанных наук своеобразие психологии. Физик и физиолог Г. Гельмгольц заявил, что в мозгу нет никаких копий внешнего мира и электро-физиологическая нервная связь имеет знаковую природу. Но тем самым признал, что знаки не находятся в полной зависимости от внешних, физических воздействий (при ношении искажающих очков человек со временем «возвращается» к нормальному восприятию предметов; «почему»? - осталось без ответа). Впечатляющий пример дает У. Джемс. Он получил медицинское образование и, обозрев свои болезни, решил, что медицина его приговорила к худшему на основе однозначного физиологического подхода. В ответ он спас себя, приняв свободу воли как очевидный факт. «Я не вижу, почему бы определение свободной воли...должно быть определением иллюзии. Первый акт моей свободной воли – это верить в свободную волю. Я сделаю шаг дальше – не только действовать по своей воле, но и верить в мою индивидуальную реальность и креативную силу» [19, С.195.]. Пусть философы разбираются в детерминистских переходах от материи к сознанию. А он, Джемс, воспринимает Вселенную как «великий цветущий, жужжащий беспорядок» [19, С.93]. «Креативная сила» Джемса подразумевала появление новых явлений, а не неожиданных конфигураций путем перетасовывания жестко детерминированных процессов. Возникла идея творчества.

Даже ориентированные на сверхдетерминизм психологи совершали вторжение в гуманитарные зоны, делая попутно очень полезные для науки о человеке открытия, ибо выдвигали оригинальные модели личности. Например, Фрейд описал анализ намеков сознанию со стороны бессознательного, безапелляционно дав однозначное толкование объектов сновидений). Он же описал действие механизмов психологической защиты, которые объясняют нерациональные или нелепые действия (описки, оговорки). Пригвожденность образов сновидений к фиксированным порочным желаниям была отвергнута психологами и большинством гуманистов. Но проблематика бессознательного, анализ за-

щитных механизмов, процедуры психотерапевтических сеансов были приняты и учтены при описаниях личности. Фрейд дал и одно из первых описаний этапов психологического созревания личности, которое опиралось на предложенные им стадии сексуального развития. Их обоснование сочли неубедительными даже многие психоаналитики следующих поколений. И коррекцию, снятие жестких ограничений сделал ученик дочери Фрейда Анны Э. Эриксон в своей эпигенетической теории личностных кризисов, принятой в гуманитарной среде как полезный ориентир при анализе успешного или ущербного личностного развития.

Основатели гештальтпсихологии исходили из поиска прямолинейного соответствия заложенной в вещи целостной структуры и образа, возникающего в психике (в обоих случаях - гештальтов), опираясь на построения в теории физики (связь осмыслили по аналогии с соотношением реального устройства местности и ее географической карты). Познание определялось как смена неудачного внутреннего гештальта на удачный. Прямые установки из физики в дальнейшем потеряли свою убедительность. А вот принцип целостности, лежавший в основе гештальта, оказался плодотворным (общая структура определяет значение элементов, а не наоборот). И тогда открывался путь к пониманию творчества: инсайтом (озарением) была названа моментальная смена в сознании «слепого», плохого гештальта на «прегнанный» (продуктивный). Тогда личность в самосознании человека предстала как образ, а ее развитие сопровождалось уточнением или даже сменой гештальта. Личность творила себя. Символические же интеракционисты ввели социальный критерий: самосознание зарождалось и развивалось в процессе межличностной коммуникации. Реакции «других» формировали при общении с ними представление о социальных ролях, и их соединение в единый образ порождало Я-концепцию. Ее структурирование реализовывалось на основе доминирования самой важной, эталонной роли. Но при этом роль определялась не в качестве причины поведения, а как социально принятый ориентир, облегчающий выбор планов и действий человека. Т. Шибутани писал: «Роли суть модели поведения, которое составляет желаемый вклад данных участников в групповое действие. Но даже в стабильных обществах люди не являются автоматами, слепо выполняющими конвенциональные роли. Именно тот факт, что отклонение оказывается возможным, показывает, что модели не являются причиной поведения» [21, С. 51]. Независимый внутренний выбор личности – проявление свободы воли, сущность которой анализируется в гуманитарной научной области. Трудно переоценить такой вклад психологии в фонд психобиографии.

Психологи выработали концептуальные идеи и терминологию, прямо приложимые к анализу жизненного пути человека. Основным источником являются такие

разделы, как историческая, социальная, возрастная, педагогическая психология и психология личности. В общекультурный фонд вошли понятия: «фигура и фон», «когнитивный диссонанс», «деструктивная личность», «интроверсия», «самоактуализация», «защитный механизм», «лидерство».

Но и другие, гуманитарные науки занимались не просто адаптацией психологических знаний, пригодных для историко-культурного подхода к психобиографии. Они решали свои вопросы и тогда, когда психология мало что могла предложить им, и брали на себя ответственность в рамках достоверности своих методологических границ. История, этнография, филология, религиоведение, искусствоведение, социология даже не представимы без взаимоучета достигнутых результатов. У каждой науки просто была своя доминанта, а от каждого из «соседей» они получали дружескую поддержку и сигнал соответствия или несоответствия своим установкам. Формировалась как бы общая критически выверенная, устойчивая структура знания о человеке и его социальном окружении. Начну только с одного примера. Свои открытия американская гуманитарная психология в оформленном виде представила научному сообществу в 1950-годы. Идея самоактуализации А. Маслоу захватила широкий круг западной интеллигенции, но в СССР воспринималась властями как раздувание индивидуализма. И при этом фактически полное описание самоактуализирующей личности в 1946 году дал профессор нашего университета на Неве Г.А. Гуковский, - и не в теоретическом трактате по психологии, а в анализе трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Это было как бы мнение Пушкина, который в официально разрешенной характеристике был «наше всё»! Вот как филолог показал восхождение личности на вершину творчества, формально рассуждая о служении искусству: «Сальери...страдает при виде творческой свободы, творческой радости, творческой легкости Моцарта... это пьеса... о трагическом столкновении двух эстетических типов, за которыми стоят и две системы культуры вообще. Одна из этих систем... создает культ ремесла в творчестве, поверяет гармонию алгеброй, подавляет вдохновение ... зиждется на запретах и предписаниях, на подавлении воли, на духовном рабстве личности... Моцарт — это будущее, это свобода... Ему свойственно чувство простой человеческой жизни многогранности ее содержания, целостное ее восприятие ...творчество для него — это сама его жизнь, естественная и легкая» [6, С.305-308]. В полном тексте все, именно все характеристики самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу), названы либо прямо, либо в синонимических конструкциях [9].

Проблема творчества и в гуманитарных науках, и в психологии оказывается одной из важнейших. После эпохального эйнштейновского пересмотра сути пространства и времени (с включением позиции наблюдателя) возникла трехчастная концепция хронотопа. Физиолог

А.А. Ухтомский рассматривал ее уместность в связи с исследованием доминанты, перейдя к вопросам уже психологии: «доминанте гения», - что означало обращение к феномену творчества. Прослушав лекцию Ухтомского, филолог и философ М.М. Бахтин перенес рассмотрение хронотопа (пространство-время-личность) в зону культуры. И в исследовании «Эпос и роман» [3] архаический ее тип (эпический) представлен как репродуктивный уровень мышления (господство памяти), а тысячелетний путь перехода к современному уровню (романному) завершается доминированием продуктивности (познанием). Личностная структура (герой) преобразуется: от последовательной ориентации на непререкаемую традицию происходит переход к обретению личной «идеологической инициативы». И психология вносит свое понимание цели и механизма творчества, гармонирующее с названными ранее подходами [8, С. 284-335]. В книге «Продуктивное мышление» М. Вертгеймер формулирует цель мышления как такового: улучшать ситуацию. И тогда креативность становится не характеристикой изолированного интеллекта, а функцией личности в ее полном бытии. «Я хочу заметить, что черты прямолинейности, честности, искренности, видимо, не являются второстепенными в таком процессе. ...Но даже те процессы, которые, по-видимому, являются чисто интеллектуальными, предполагают определенную установку человека — некую готовность рассматривать проблему, делать это открыто, честно и искренне...Хитрость и дух деспотизма, видимо, не лучшая установка в продуктивном мышлении» [4, С. 208-209]. И вот моцартианская свобода формирования образа сформулирована так: «по-видимому, понятие целого не поддается формальному описанию» [4, С. 139]. Современная психология и культура все больше склоняется к идее, что нормальное состояние любого человека должно обеспечиваться творческим построением собственной личности. Психологика, опирающаяся на традиции когнитивной психологии, утверждает, что сознание вообще возникает для решения творческих задач, ориентируя человека на свободный поиск смысла бытия. Отработанные тысячелетиями физиологические механизмы не нуждаются в сознании. А вот при столкновении с неожиданностями требуется иной, более совершенный механизм, которым обладает психика человека: выдвижение и проверка гипотез в условиях неопределенности. «Наше сознание при любой операции неизбежно порождает смыслы, насыщает мир этими смыслами. Тем самым естественнонаучный взгляд на сознание, развиваемый психологией, приводит к весьма важному для гуманистического мировоззрения выводу: сознание *конструирует* смыслы. Именно в этом конструировании сознание проявляет свою свободу... Стремление сознания догадаться о том, как устроен мир, позволяет... многое узнать... и о самом себе...Но свобода сознания в выборе догадок всегда оставляет возможности для ошибок, неточностей, неправильного понимания. Поиск истины не может закончиться» [1, С.501-502]. И в психобиографии человек уже предстает как творец себя и преобразова-

тель окружающего мира, использующий сознание для учета строгих закономерностей в поиске оптимального решения неопределенных ситуаций, наполняя мир и свою деятельность смыслом.

Такая встреча осуществляется на основе механизма сличения результатов исследования в независимых научных контурах, когда открывается возможность отождествления, во многом родственного метафорическому уподоблению. Но метафора является вполне признанным методом познания. Лингвист Н.Д. Арутюнова именует ее «интерпретируемой аномалией», источником творческого отклонения от устоявшейся нормы. «Метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке... Классическая метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в царство общего, индивидуальности в «страну» классов» [2, С. 149-150].

Заключение

Выработанный веками жанр биографии будет существовать всегда, тяготея к гуманитарным формам литературного и публицистического свойства. Психобиографический метод вносит в портрет личности большую точность и логическую выверенность, так как прежде сего опирается на теоретические построения психологии в ее естественнонаучной ипостаси. Но психобиография, как отрасль исторической психологии, безусловно, имеет и большие ограничения в области произвольного фантазирования по поводу жизни личности. А вот установление соответствия между гуманитарными и психологическими построениями с помощью механизма сличения позволяет повысить достоверность и надежность биографической информации. В перспективе такой путь изучения человека направлен на создание более органичной научной методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс – СПб.: ДНК, 2000.
2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. – М.: 1979. С. 139-152.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука. 2000.
4. Вертеймер М. Продуктивное мышление. – М.: Прогресс, 1987.
5. Вундт В. Миф и религия. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910.
6. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Художественная литература, 1957.
7. Иванов М.В. Становление исторической психобиографии как научной дисциплины // Актуальные проблемы психологии, философии, конфликтологии, культурологии, права и образования. – СПб.: ПГУПС, 2023. С. 109-119.
8. Иванов М.В. Человек на берегу Леты. – СПб.: София, 2021.
9. Иванов М.В. Концепция личности в трудах Г.А. Гуковского // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. – СПб.: Скрипторий, 2011. С. 86-102.
10. Иванов М.В. Историческая психология личности. – СПб.: ПГУПС, 2006.
11. Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы 2-х томах. – М.: Юрайт, 2020.
12. Кречмер Э. Строение тела и характер. – М.: Госдиздат, 1930.
13. Личко А.И. История глазами психиатра. – СПб.: 1996.
14. Логинова Н.А. Психобиографический метод исследований и коррекции человека. – Алматы: Казахский гос. университет, 2001.
15. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – М.: Питер, 2003.
16. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. – М.: Мысль, 1991.
17. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. – М.: Канон, 2017.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.
19. Хант М. История психологии. – М.: АСТ, 2009.
20. Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. – М.: Республика, 2001.
21. Шибутани Т. Социальная психология. – М.: 1969.
22. Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл. 1997.
23. Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. – М. Медиум, 1996.
24. Buhler, Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches probleme / Ch. Buhler. – Leipzig, 1933.
25. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Psychology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, and Education, 2 vol. – New York: D. Appleton, 1904, 2 v.
26. Kohlberg Lawrence. Essays on Moral Development, Vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco, CA: Harper & Row, 1981.

© Иванов Михаил Васильевич (mvifp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»